

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

АВГУСТ
№ 8
1977

В НОМЕРЕ:

ПИСАТЕЛИ БЕЛОРУССИИ В „МУРЗИЛКЕ“

СМЕШЛИВЫЕ МАЛЬЧИШКИ
+
ВЕСЁЛЫЕ ЩЕНКИ
СМЕШНЫЕ И ВЕСЁЛЫЕ „ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУЛЬБОБОВ“

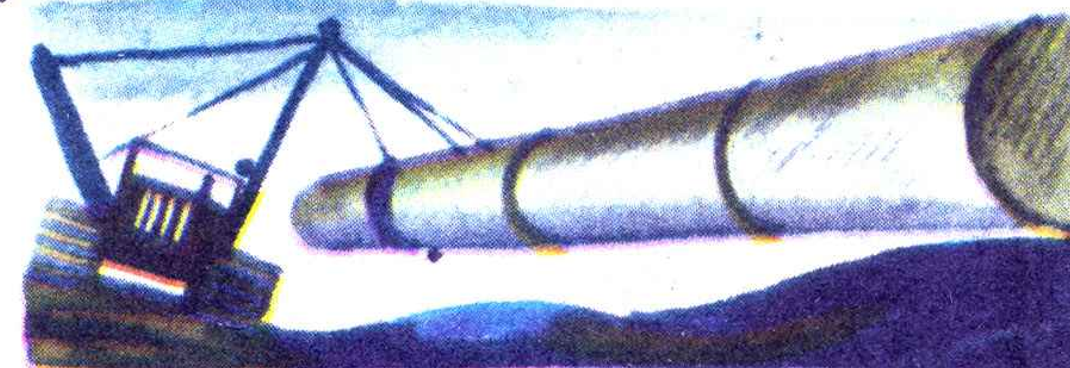
КОТИК ПЕТРИК
ЗАКРЫЛ ГЛАЗА,
СТАЛ В УГОЛОК,
А В ЭТО ВРЕМЯ...

В НОМЕРЕ НОВАЯ СКАЗКА С ПРОДОЛЖЕНИЕМ! У МЕЛЬНИЧНОГО ВОДЯНОГО РОДИЛСЯ СЫН!

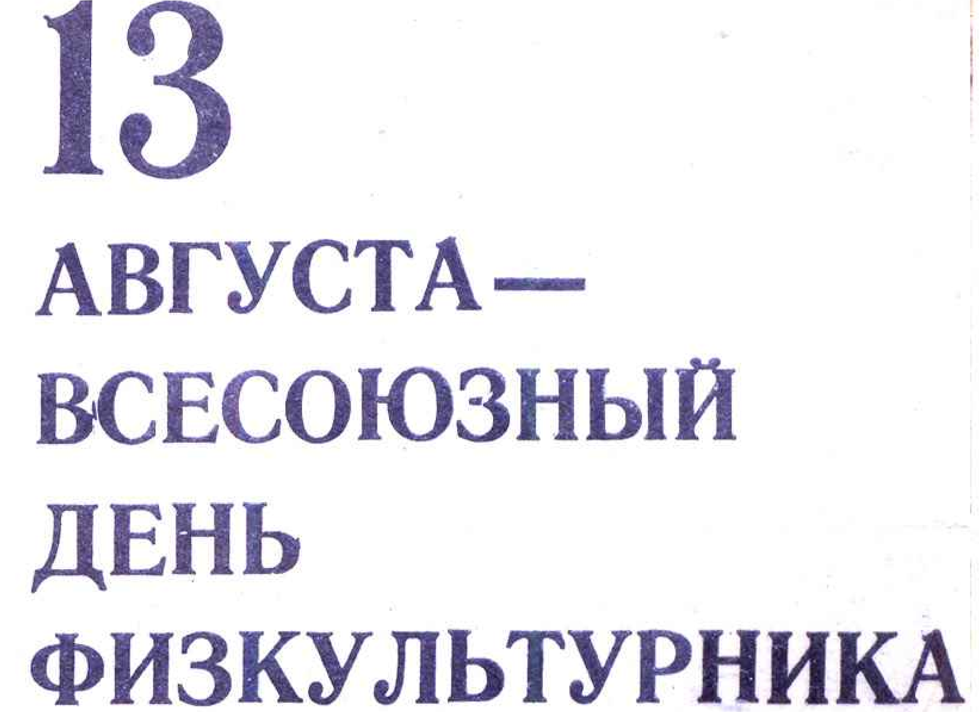
Издалека,
с востока
на запад,
течёт голубая
газовая река.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ „ОДУВАНЧИКА“ КОНЧИЛИСЬ...
КОНЧИЛИСЬ В ЖУРНАЛЕ, НО ПРОДОЛЖАЮТСЯ В КНИГЕ

КАК КРАСИВО!..
Рассмотри рисунки к чудесным сказкам Павла Петровича Бажова

13 АВГУСТА — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

© «Мурзилка», 1977 г.

МЫ — ФИЗКУЛЬТУРНИКИ

Владимир ЛИФШИЦ *Рис. А. БРЕЯ*

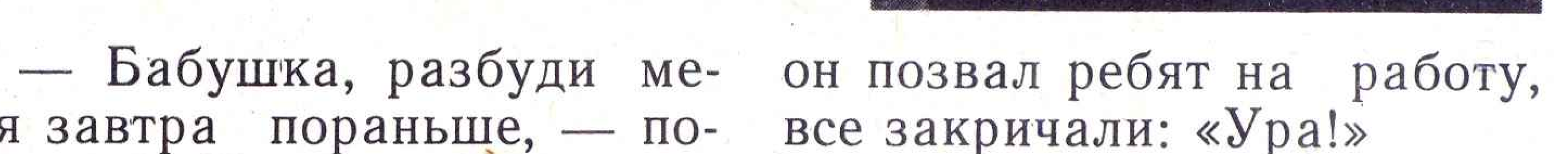
Чтобы были
Октябрята
С малых лет сильны,
Физкультуру
Октябрята
Полюбить должны!

В день — и солнечный,
И хмурый,—
Позабыв про лень,
Заниматься
Физкультурой
Будем каждый день!

Катя ПОТАПОВА
Таня ЗАЦЕПИЛОВА

Катин праздник

Е. ОРЛОВА
Фото С. ЮДИНА

— Бабушка, разбуди меня завтра пораньше, — попросила Катя. — Завтра у нас праздник.

— Праздник? — удивилась бабушка. — Какой?

— Мы будем в школьном саду работать.

— Ну, — засмеялась бабушка, — какой же это праздник — работать!..

— Да, праздник! — Катя даже немного рассердилась на бабушку. — Праздник, потому что все ребята будут работать вместе, и ещё потому... — И она стала вспоминать, что говорила им вчера учительница.

«Самая большая радость в жизни — сделать что-нибудь нужное, полезное для других людей, — говорила Антонина Михайловна. — Подрастёт наш сад, созреют в нём красивые румяные яблоки... Яблоки для тех, кто будет учиться в нашей школе...»

...Школа в Овражках новая, одноэтажная, из светлого кирпича. Стоит она у самой сосновой рощи. В школе всего три класса, но есть и столовая и кинозал... А ещё есть в школе медный колокольчик. Сегодня, когда он позвал ребят на работу, все закричали: «Ура!»

Выбежали октябрята за школьный порог... Таня Кирьякова сгребла сухие листья, схватила их в охапку и, обернувшись, словно замерла на месте.

— Посмотри, — шёпотом сказала она Кате, — посмотри, как красиво!

В чистых школьных окнах играли бойкие золотые лучики. Среди деревьев мелькали разноцветные курточки ребят.

Гера Шатилов окапывал яблони и старался, чтобы вокруг каждого деревца оставался ровный кружок — земляное кольцо, как его учили. Подошла Таня Симанович, вылила под яблоню воду из ведёрка, и в зеркальном круге отразилось небо.

Таня КИРЬЯКОВА

Гера ШАТИЛОВ

Гера уже давно мечтает стать лётчиком. И ещё очень хочется ему съездить к бабушке, которая живёт у озера Байкал. В классе висит большая карта Советского Союза, по которой октябрята совершили немало заочных, но интересных путешествий. Все три октябрятские группы участвовали в игре «Октябрята — по стране Октября».

Андрей Шестухин и Саша Широкоштанов трудились рядом, вскапывали землю под грядки. Андрей с красной звёздочкой на рукаве — он командир. Ему нужно быть впереди. И хотя Саша сильнее Андрея, Андрей не отставал от друга.

— Зачем вы лопату так глубоко в землю загоняете? До половины надо, а то ручку сломаете, и толку не будет... — Это к мальчикам подошёл Алёша Локтанов. Для Алёши землю копать, сучья убирать — дело знакомое. У него и папа и мама работают в лесничестве.

— Какой класс лучше всех работал — как вы считаете? — спросила их учительница Татьяна Ивановна. Поглядели октябрята на сад, на свои перемазанные землёй трудовые руки, и хором ответили:

— Все хорошо работали!..

Дорогие друзья октябрята! Напишите нам, как вы работаете в своей звёздочке, в группе.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

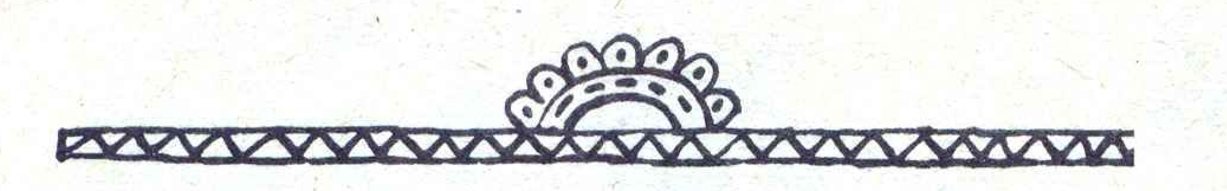
ОРДЕН ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Сегодня наш рассказ об особом ордене. Его отличие от наград боевых и трудовых видно из самого названия. Он даётся за укрепление дружбы между народами.

В центре ордена — герб Советского Союза, а вокруг руки, сомкнутые в рукопожатиях. Обычай подавать руку возник в далёкие времена. Подавая руку, человек как бы говорил другому: «Я не держу оружия, и ты вложи меч в ножны. Будем друзьями». Так рукопожатие стало знаком мира.

Пример нерушимой дружбы людей разных национальностей — это Советский Союз. В нём живут сто народов-братьев. Мы хотим, чтобы братьями стали все народы Земли.

Орден Дружбы народов — одна из самых почётных наград.

У НАС В ГОСТЯХ — ПИСАТЕЛИ БЕЛОРУССИИ

Белоруссия — древняя славянская земля. Край лесов и чистых полесских криниц, край чудесных народных песен, сказок и легенд.

Тот, кто впервые посетит нашу республику, обязательно заметит: у перекрёстков дорог, на лесных опушках и возвышенностях много обелисков. Это память о минувшей войне.

Всему миру известна Брестская крепость. Звон колоколов Хатыни, деревни, дотла сожжённой фашистами вместе с людьми, плывёт над всей землёй, как мелодия мужества и непокорённой воли советских людей.

Белорусский народ в братской семье многонациональной Страны Советов нашёл своё счастье, обрёл независимость.

В проекте самого главного нашего закона — Конституции — выражена правда нашей жизни: СССР — это единство нашего советского народа, СССР — это сплочение наций и народностей для общего дела — создания самой лучшей и самой счастливой жизни — коммунизма.

Сегодня детский журнал «Вясёлка» в гостях у «Мурзилки». Нашему журналу в этом году исполнилось 20 лет. За эти годы он стал большим другом белорусских детей. Приглашаем и вас, читатели «Мурзилки», познакомиться с некоторыми произведениями белорусских писателей.

Анатолий ГРЕЧАНИКОВ,
главный редактор журнала
„Вясёлка“

ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ЩЕНКОМ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Павел МИСЬКО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУЛЬ-БОБОВ

Вольный перевод Ю. КОВАЛЯ

Рисунки В. Гусева

Мы с Бобом проснулись одновременно. Полежали немного, потягиваясь, потом Боб вылез из-под ванны, а я за ним. Перед нами на полу стояли белые туфли.

Боб подтолкнул туфлю ко мне, и я немедленно принялся её жевать. Туфля была такой новенькой и красивой, что её просто хотелось немного пожевать и даже погрызть.

Я быстро отгрыз каблук, а Боб у другой туфли отгрыз пряжку.

— Коля, вставай, — послышался из комнаты голос дядьки Михася. — Веди собак гулять.

Мы с Бобом нырнули обратно под ванну и слушали, как стонет Колька, который не хочет вставать.

— Пускай сегодня Толька гуляет.

Дядька Михась тем временем пришёл в ванну и принялся умываться. Брызги летели на пол и падали на мой хвост. Изжёванных туфель дядька не заметил, а скоро пришёл Колька и, не умываясь, схватил меня, сунул под мышку, а другой рукой схватил Боба. Мне всегда смешно смотреть, как жмурится Боб, когда его берут за шиворот. Так и хочется укусить его, чтоб не валял дурака, а прямо смотрел на мир.

Мы гуляли под окном и не успели погулять как следует, как вдруг из окна послышался крик:

— Кто это сделал?

Тётя Катя, кажется, довольно быстро поняла, кто это сделал, и стала говорить так:

— Самые лучшие, самые модные, самые милые, самые любимые, самые красивые, самые дорогие, самые хорошенькие мои туфельки сожрали эти

наглые звери! В чём я пойду на работу? В чём?

Просто не могу понять, что это за люди такие? Завели собак и ещё жалуются. Нет уж, если ты завёл собаку, будь готов, что туфли твои изгрызут. Если б я был человеком и завел бы собаку, я бы ей прямо сказал: «Грызи чего хочешь. Хоть диван, хоть телевизор».

Домой мы вернулись, когда тётка уже ушла на работу, а дядька Михась готовил завтрак. Нам с Бобом досталось по полтарелки вчерашнего супа. Это был рассольник, в котором плавало полно солёных огурцов. Я-то огурцы терпеть не могу, а Боб охотно умял их. Видно, после туфель его потянуло на солёненькое.

— Поехали в поликлинику, — сказал после завтрака дядька Михась, схватил близнецов Толю и Колю за руки, а нас с Бобом засунул в хозяйственную сумку.

— Оставлять их дома нельзя, — сказал он. — Всё изгрызут.

До самой поликлиники мы сидели в сумке и не могли высунуть наружу нос — дядька закрыл сумку на «молнию». Добрались до поликлиники. Я слышал из сумки приглушённые голоса и шарканье ног.

Потом Толю и Колю позвали к доктору, и тут я встал на Боба и носом чуть-чуть отодвинул «молнию». Дышать стало легче. Я поднапрягся и стал изо всех сил раскачивать «молнию» носом. Скоро я высунул наружу голову и увидел, что сумка стоит на полу в большой комнате, а вокруг нас — ботинки, тапочки и какие-то туфли, вроде тех, утренних.

— Смотри-ка! Собака в сумке! — крикнул какой-то ребёнок и схватил меня за ухо. Я взвизгнул и выскочил наружу, а за мною Боб.

— Ого! Здесь и второй! Смотрите, какой толстячок.

Толстячок — это про Боба.

— Потрясите сумку, может, там третий сидит.

Сумку потрясли, и, пока её трясли, Боб вцепился в те туфли, что были похожи на утренние.

— Пошёл вон! Отпусти туфлю.

Туфля дёрнулась — Боб отлетел на середину комнаты. Нет, я просто не мог на него смотреть. Когда он вот так отлетает на середину комнаты, мне хочется немедленно кинуться на него и схватить за хвост. Я так и сделал. Но тут же раздался крик и хохот, кто-то захлопал в ладоши, кто-то засвистел. Я рычал, а Боб бешено лаял...

— Это что за цирк! — раздался громкий голос. — Прекратить! Прекратить! Прекратить безобразие!

Мы прекратили и, прекратив, увидели огромные ноги в туфлях, которые грызть почему-то не захотелось. Казалось, такие туфли сами кого хочешь загрызут.

Над туфлями покачивалась в воздухе тряпка, серая и мокрая. Я хорошо знаю такие тряпки — приходилось встречаться.

— Чьи это собаки? Кто разводит безобразие в поликлинике? Кто?

Какой-то маленький мальчик сказал жалобно и пискляво:

— Эти собачки хорошенькие. Они играют. А их мальчики пошли к тётеньке лечиться.

— Чьи собаки? — не унималась Серая тряпка. — Вон из поликлиники!

Тут из кабинета выбежал Колька, схватил нас обоих и сунул в сумку. Серая тряпка сразу накинулась на него:

— Где твоя мама?

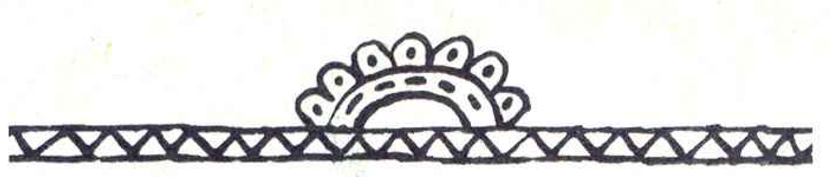
— На работе.

— Ах вот оно что! — сказала Тряпка, и тут мы с Бобом, чтоб выручить Кольку, выскочили из сумки и бросились бежать в разные стороны. Боб-то, чудак, дунул в рентгеновский кабинет, и там сразу раздался крик:

— Он бешеный! Он бешеный!

Это про Боба-то! А ведь Боб совершенно не бешеный, он вообще-то мирный щенок, но, конечно, есть у него свои недостатки. А я как подумаю про эти недостатки, мне так и хочется накинуться на него и...

Но не успел я накинуться на Боба, как из дверей кабинета выскочил дядька Михась, поймал нас, сунул в сумку, и мы с Бобом только слышали теперь, как он объяснялся с Серой тряпкой. Не знаю уж, до чего они договорились, потому что мы с Бобом начали потихоньку грызть сумку сразу с двух сторон.

У НАС В ГОСТЯХ — ЖУРНАЛ «ВЯСЁЛКА»

Герой Советского Союза, лётчик-космонавт Пётр Ильич Климук родился и жил под Брестом, в Белоруссии. О своём полёте в космос он рассказал белорусским ребятам.

Мы печатаем здесь его рассказ с сокращениями.

НА ЗВЁЗДНЫХ ДОРОГАХ

Сегодняшние мальчики усердно играют в космонавтов и мечтают быть командирами кораблей-звездолётов. Об этом они пишут в письмах, которых немало приходит к нам в Звёздный городок. К сожалению, многие представляют нашу профессию односторонне, видя в ней только романтику, и не замечают главного. Того, что каждый космический полёт — это прежде всего труд, труд тяжёлый, упорный, ответственный.

Наблюдать с космической высоты за Землёй очень интересно. Интересно угадывать по знакомым очертаниям материки, острова, моря, реки, видеть сверху горы, ледники.

Мировой океан очень красив, весь сине-голубой. Потому и Земля с космических трасс также выглядит голубой.

Небо в космосе, наоборот, не голубое, а чёрное. Звёзды на нём ярко-белые, крупные. Кажется, висят они так низко над головой, что можно дотронуться до них руками.

Но летаем мы в космос не для романтики. И о работе нашей можно рассказать очень много. Космонавт — не только оператор, который работает с системами корабля, и не только штурман, который по звёздам, планетам и по Земле определяет своё местонахождение в пространстве. Он ещё и исследователь, который выполняет ряд научных и народнохозяйственных задач. Результатов каждого космического полёта с нетерпением ждут учёные: астрономы, астрофизики, биологи, геологи, метеорологи.

Жить и работать в космосе нелегко. Человеческий организм вынужден приспосабливаться к шуму, и вибрациям, и к другим неудобствам, а главное — к быстрой смене дня и ночи и к невесомости.

Люди привыкли жить в 24-часовом суточном ритме. На Земле за это время день один раз сменяет ночь. А космический корабль делает один виток вокруг Земли всего за 90 минут. Значит, космонавт на орбите встречает за сутки 15—16 заходов и восходов солнца. Космический «день» длится примерно 55, а «ночь» — примерно 35 минут. Эта беспрерывная смена дня и ночи чрезвычайно затрудняет работу и отдых. Привыкаешь к такому ритму не сразу, на это требуется несколько суток.

Но самое сложное — невесомость. В космосе всё, в том числе и человек, теряет вес. Ощущение необыкновенное, удивительное. В первые минуты охватывает растерянность. Смотришь, у тебя всё как было, руки и ноги на месте, но ты их совсем не чувствуешь, будто у тебя их и нет. Поднимаешь руку, а никакой силы для этого не нужно. Чуть пошевелился в кресле — и ты в воздухе, плаваешь по кабине. Ходить и бегать в космосе невозможно: ноги отрываются от «пола». Один способ перемещения — «плавание». Но и плавать нужно очень осторожно, следить за каждым своим движением.

Эта космическая «лёгкость» создаёт неудобства. Все предметы в космосе нужно прикреплять к определённому месту, иначе всё будет плавать. И потому, если что-нибудь делаешь, нужно быть чрезвычайно внимательным и аккуратным.

Спать можно только в спальном мешке, который привязан к борту корабля. Кроме того, нужно и самого себя привязать к мешку, так как во сне можно выплыть и проснуться далеко от спального места.

Съесть что-нибудь в космосе или выпить воды — тоже работа. Борщ или суп находятся в запаянных фольгой алюминиевых тубах, похожих на тюбики зубной пасты. Отвинчиваешь колпачок, прокалываешь кончиком ножа дырочку, после слегка нажимаешь на тубу и сосёшь понемножку. Хлеб упакован в полиэтиленовые пакеты, по восемь буханочек в каждом — как таблетки. Буханочка малюсенькая, в половину спичечной коробки, чтобы её можно было сразу положить в рот.

Одним словом, жить и работать в космосе сложно, немало трудностей испытывает человек в космическом полёте. И чтобы быстрее и легче преодолеть эти трудности, чтобы чётко выполнять все задания, испытателям космоса приходится долго, упорно, настойчиво и серьёзно тренироваться на Земле.

Рис. Л. НИЖНЕГО

КОТИК ПЕТРИК и МЫШКА

Белорусская народная сказка

Однажды котик Петрик захотел поймать мышку. Петрик был ещё маленький и никогда мышей не видел, только от взрослых котов слышал, что они всегда ловят мышей. И Петрику очень захотелось поймать мышку, чтобы поскорее стать взрослым котом.

Пошёл Петрик на гумно. Ходил, ходил — никого нет. Крался, подкрадывался — никого нет. Вдруг в соломе как зашуршит — Петрик прыгнул и увидел маленького зверька с длинным хвостиком.

— Ты кто? — спросил Петрик.

— Мышка.

— Вот ты мне и нужна!

— Зачем?

— Я не знаю зачем, знаю только, что котам надо ловить мышей!

Мышка и говорит:

— Коты ловят мышей, чтобы играть в кошки-мышки. Хочешь, научу тебя?

— Конечно, хочу, — сказал котик Петрик.

— Тогда стань в уголок, — сказала мышка, — закрой глаза и считай до трёх, а потом лови меня!

Котик Петрик стал в уголок, закрыл глаза, как сказала мышка, досчитал до трёх, посмотрел, а мышки и след простыл.

Перевёл Г. СНЕГИРЁВ
Рис. Э. АВАКЯН

Моя семья

Василь ВИТКА

Задам тебе задачу я.
Послушай, вот моя семья:
Дедуля, бабка, брат.
У нас порядок, лад
И чистота. А почему?
Две мамы есть у нас в дому,
Два папы, два сыночка,
Сестра, невестка, дочка,
А самый младший — я.
Какая же у нас семья?

Найди на картинке всех членов семьи и подпиши.

Рис. Н. КОШЕЛЬКОВОЙ

Сколько

Рыгор БОРОДУЛИН

По зайчишке
В лисий дом
Каждый вечер
Вёл с трудом
Волк —
Злодей, известный всем.
Вёл зайчат три дня
И семь.
А потом
Семь дней во тьму
Выпускал
По одному.
Самым бойким
Для порядка
Задавал
Одну загадку:
— Сколько в третий день
Дрожало
Тех,
Которых вдруг не стало? —
Ну а ты мне
Дай ответ,
В доме зайцы есть
Иль нет?

Перевёл В. ЛУНИН

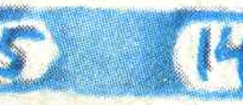

Голуби летели

Голуби летели,
На дубы присели.
На каждом из дубков
По паре голубков.
Глянули вбок —
Ещё стоит дубок.
Пусть каждому будет
Дубок для насеста,
Нет, одному
Не хватило места.

Сколько дубков?
Сколько голубков?

Перевёл Я. АКИМ

Земля с лазурными очами

Эди ОГНЕЦВЕТ

Земля с лазурными очами,
Раздолье речек и лугов!
Тут называют Васильками
Светлоголовых пареньков.

Звенят криницы, как цимбалы,
Тропинки светятся в лесах,
Поля, пригорки, перевалы —
Просторный шлях, далёкий шлях!

Край партизанской славы трудной,
Как добр, как светел твой народ!
О Беларусь — родник подспудный
Неиссякаемых щедрот!

И сыновья твои, и внуки
Гордятся доблестью твоей...
И реки тянутся, как руки,
К рукам соседей и друзей.

Перевела Елена БЛАГИНИНА

ПРО НАШУ ДАШУ

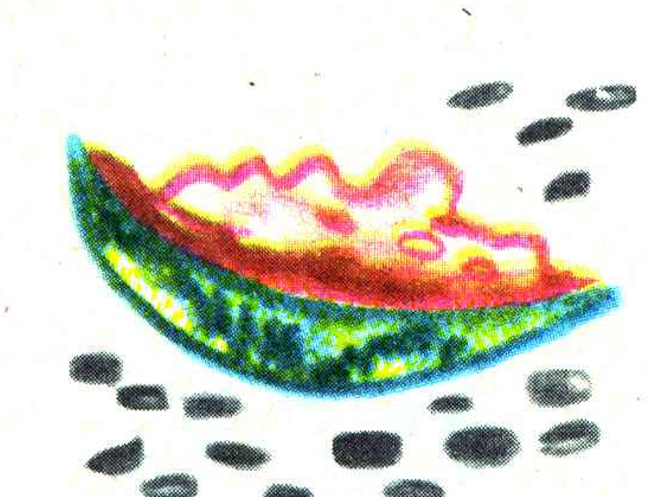
П. КОВАЛЁВ
Перевёл В. ЛУНИН

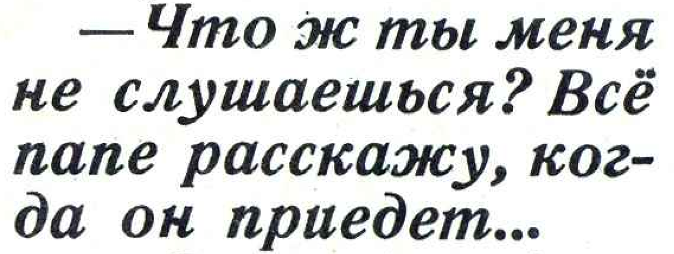
Дедушка с внучкой едут на машине. С гладкой асфальтовой дороги вскоре свернули на просёлочную. Машину на ухабах начало подбрасывать.

— Ой, дедушка! Какая здесь дорога мятая! — воскликнула Даша.

Бабушка разрезала арбуз и выбрала из него семечки. Даша попробовала разгрызть семечки, но не смогла.

— Бабушка, а бабушка, — просит Даша, — раздень их, пожалуйста!

Бабушка рассердилась на Дашу и говорит ей:

— Что ж ты меня не слушаешься? Всё папе расскажу, когда он приедет...

— Вот приедет, тогда и слушаться начну!

ХУДОЖНИКИ

Василь ХОМЧЕНКО
Перевёл С. ИВАНОВ
Рис. В. СТАЦИНСКОГО

Я стоял в подъезде и ждал отца.

Вышел из дому сосед Толик, спросил, чего я тут стою.

— Сейчас пойдём с папой покупать мне новый фонарик.

И мы замолчали — говорить нам больше было не о чем. Мы в школе наговорились. Сидим за одной партой.

Потом Толик достал из кармана коробку с разноцветными мелками:

— Это мне мама купила.

Я взял красный мелок, Толик — синий. Я присел на корточки и стал на полу рисовать человечка.

— Это ты, — сказал я. — Похож?

Пока я подправлял уши, Толик под рисунком написал моё имя — Петя. Я рассердился за такую карикатуру и на стене стал рисовать Толика. А Толик взялся рисовать рядом мой портрет:

— Точка, точка, запятая, носик, ротик, огуречик...

Под портретом, который рисовал Толик, я подписал его имя и спросил:

— Ты не обижаешься?

— Нет, — ответил Толик, — это же дружеские шаржи.

Потом мы нарисовали одну общую корову. Толик синим мелом выводил рога, голову, шею, передние ноги, а я красным — хвост, задние ноги и туловище. Корова получилась отличная — большая. После коровы на стене появились самолёт, танк и ракета. А внизу Толик написал: «Петя+Толик = художники».

И тут в подъезд вошёл мой отец. Остановился и стал рассматривать наши рисунки.

— Петя плюс Толик — художники, — прочёл он вслух. — Это ваша работа?

Только теперь мы поняли, что сотворили глупость. Попробовали стереть — не стирается.

— Папа, — сказал я, чтобы отвлечь его внимание, — ты обещал мне фонарик купить. Не забыл?

— Нет, не забыл, — сказал папа, — пошли.

В магазине я сразу направился к отделу электротоваров, но отец повернул совсем к другому прилавку.

— На эти деньги, — сказал он, — я собирался купить тебе фонарик. А теперь куплю мыло и пару щёток. А ведро и вода найдутся дома. Всё ясно?

...Мы вымыли две стены. Соседи, проходя мимо, хвалили нас:

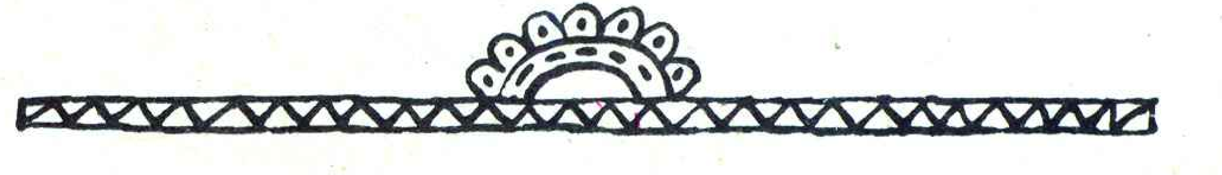
— Молодцы, какое хорошее дело делаете!

Под конец мы устали, присели отдохнуть. Папа сказал:

— Наработались? А козу почему не смыли?

— Какую козу? — удивился я. — Это же корова!

За козу нам было обиднее всего. Старались-старались, такую корову нарисовали, а её за козу приняли...

У НАС В ГОСТЯХ — ПИСАТЕЛИ БЕЛОРУССИИ

НАСТОЯЩИЙ МАЛЕНЬКИЙ ВОДЯНОЙ

В один прекрасный день, когда мельничный водяной вернулся домой, жена сказала ему:

— Отныне ты должен вести себя очень тихо. Потому что у нас появился маленький мальчик.

— Что ты говоришь! — радостно воскликнул отец-водяной. — Настоящий маленький мальчик?

— Да, настоящий Маленький водяной! — сказала жена. — Прошу тебя, сними сапоги и входи тихонечко... Мне кажется, он ещё спит.

Отец-водяной снял свои жёлтые сапоги и вошёл в дом на цыпочках. Дом этот был выстроен из камыша и стоял глубоко на дне мельничного пруда. Вместо цемента был он оштукатурен илом, ибо это ведь был дом водяного! А в остальном он был самый обыкновенный, как и все остальные дома, разве что намного меньше. Потому что водяные намного меньше людей. В доме были кухня, кладовка, гостиная, спальня, а также сени и коридор. Полы присыпаны были чистым белым песком, окна занавешены зелёными занавесками, сплетёнными из водорослей и лилий. И конечно же, были все комнаты — и кухня, и сени, и коридор — полны воды. Да и могло ли быть по-другому, если дом стоял на самом дне мельничного пруда?

Так что мельничный водяной на цыпочках проскользнул по коридору на кухню. Из кухни он прокрался в гостиную, а потом в спальню. И когда он тихонечко подошёл к кровати, он увидел рядом с ней в тростниковой люльке Маленького водяного. Его глаза были закрыты — мальчик спал. Сжатые кулачки лежали на подушке по обе стороны толстого красного личика. Казалось, Маленький водяной закрывает уши.

— Как он тебе нравится? — спросила жена.

Она тоже вошла в спальню и смотрела мужу через плечо.

— Мальчишка маловат, — ответил отец. — А в остальном он мне нравится.

Водяной наклонился над люлькой и стал считать:

— Раз, два, три, четыре, пять...

— Что это ты считаешь? — спросила жена.

— Ах, я просто пересчитываю пальцы — все ли они на месте, — тихо сказал водя-

ной. — Ты только посмотри на эти стройные ножки! Когда он вырастет, он получит пару красивых жёлтых сапог, зелёный тростниковый пиджак, коричневые штаны и ярко-красную островерхую шапочку! Более всего нравятся мне его волосы. Ты ведь знаешь, я всегда мечтал иметь такого мальчишку с зелёными волосами...

— Осторожнее! — предупредила жена водяного. — Что это ты там опять делаешь?

— Не мешай, — ответил водяной. — Интересно проверить, есть ли у него перепонки между пальчиками. Это весьма важно для сына водяного!

Отец-водяной хотел разжать мальчику один кулачок. Но тут Маленький водяной проснулся и стал тереть кулачком глаза.

— Ого, посмотри! — громко воскликнул отец-водяной. — Видишь ты это? Ты это тоже видишь?!

— Есть ли у него перепонки между пальчиками? — рассмеялась жена водяного.

— И это тоже! — радостно воскликнул мельничный водяной. — Но теперь я ещё знаю, какие у него глаза! Они зелёные, зелёные! Настоящие глубокие глаза водяного!

ВОТ ЭТО МАЛЬЧИШКА!

— Как ты думаешь, — сказал вечером водяной своей жене, — нам полагается в честь малыша собрать гостей, не так ли? Завтра же я приглашаю родственников, чтобы показать его всем.

Отец-водяной пригласил двадцать семь гостей, и двадцать шесть из них пожаловали. Это были: двенадцать водяных с жёнами, один колодезный дух, одно привидение, которое жило неподалёку под старым мостом. Колодезный дух жил в артезианском колодце позади пожарного депо; он был уже очень стар и носил белую бороду. Другие водяные прибыли из деревенского пруда, из лягушачьей трясины, из утиной лужи, из Красного и Чёрного каналов, из форелевого ручья, из каменного родника и ещё из других пяти водоёмов.

— Я вас приветствую! — встретил гостей отец Маленького водяного. — Моя жена и я сердечно благодарим вас и надеемся, что вы останетесь довольны угощениями...

— Не хочешь ли ты сперва показать нам малютку? — спросил водяной из каменного родника.

— Нет, — возразил мельничный водяной. — Сперва попируем!

Двенадцать водяных с жёнами, а также колодезный дух и привидение — все, кто был, уселись за длинный стол. Колодезный дух с белой бородой сел на почётное место во главе стола.

Мать Маленького водяного принесла гостям сперва суп из зелёной ряски, потом жареную рыбью икру с сушёными водорослями. Потом она поставила на стол салат, искусно приготовленный ею из колодезных жучков с мелко нарезанными стеблями калужницы. Кому всего этого было мало, мог ещё отведать тушёных лягушачьих язычков и целую миску солёных стрекозиных личинок...

— Скажи-ка, — спросил во время десерта водяной, живущий в Красном канале, — неужели ты не пригласил своего шурина, болотного водяного?

— Конечно, — ответил хозяин, — не такой я водяной, чтобы забыть своего шурина! Я послал к нему быстрейшего почтальона — речную форель. Но — щука его забери — не пойму, что случилось!

— Очевидно, он немного задержался в своих дальних путешествиях, — сказал колодезный дух. — Ну а теперь о главном: не хочешь ли ты наконец показать нам Маленького водяного?

— Если вы действительно уже наелись, то я принесу его! — сказал отец-водяной.

Но в тот самый момент, когда он хотел войти в дом, чтобы вынести сына — что такое?! — в пруду вдруг стало совсем темно! Не видно ни зги! Водяные и русалки испугались.

— На помощь! На помощь! Что случилось? — закричали гости.

— Ах, да ничего! — ответил кто-то басом. — Это всего лишь я! Добрый день...

И кого же они все увидели, когда чёрная муть рассосалась? Болотного водяного! Вплывая в пруд, он гнал перед собой облако болотной жижи — вот и всё...

— О-о! Добро пожаловать к нам! — закричал отец Маленького водяного. — Мы уже думали, что ты не придёшь. Я как раз хотел вынести из дому нашего малыша.

— Тащи его! — сказал болотный водяной. — А я тем временем закушу...

Коричневыми руками он сразу же потянулся к ближней миске — это была миска с салатом из колодезных жучков со стеблями калужницы — и раз, два, три: миска стала пустой!

После этого он проглотил полтарелки тушёных лягушачьих язычков с солёными личинками, а под конец насладился остатками жареной рыбьей икры.

— Необходимо подкрепиться, — сказал он, чавкая. — Путешествие возбуждает аппетит.

Так он ел, пока в дверях дома не показался хозяин: в руках он нёс тростниковую люльку с Маленьким водяным. Тут болотный водяной сразу позабыл обо всех мисках и тарелках, он вскочил и так восторженно закричал, что чуть было не подавился последним глотком:

— Вот это мальчишка!

И все водяные со своими жёнами, колодезный дух и мостовое привидение столпились вокруг тростниковой люльки, громко выражая восторг.

Болотный же водяной пошарил в кармане и вытащил флейту. Когда подошла его очередь, он сказал:

— Желаю тебе, малыш, всегда иметь весёлое сердце!

Мигом вытянул он губы и задул в свою флейту.

О, как прекрасно заиграл он в честь Маленького водяного! Радостно было слышать и радостно видеть! Ибо из каждой дырочки, в которую он дул, одновременно со звуком вылетала и поднималась к поверхности пруда тонкая ниточка пузырьков. И оттого, что водяной во время игры всё время покачивался, наклонялся, поворачивался, казалось, что ниточки пузырьков танцуют весёлый танец.

Тут все гости взялись за руки и тоже пустились в пляс. Но внезапно они остановились как вкопанные, в изумлении тараща глаза. Они уставились на Маленького водяного: незаметно выкарабкался он из своей люльки и теперь плавал, управляя ручками и ножками, вокруг головы болотного водяного.

— Разве такое возможно? — удивлённо вопросил счастливый отец. — Ещё молоко с губ не обмылось, а уже плавает!

— Ты же сам это видишь, — прошептал колодезный дух, поглаживая бороду.

И больше сказать было нечего!

ПОВЕРНИСЬ-КА, МАЛЫШ!

Скоро Маленький водяной уже плавал, как взрослый. Говорить он тоже быстро научился. Маленькие водяные научаются всему этому намного быстрее, нежели мы, люди.

Сначала Маленькому водяному разрешали плавать только по спальне, но постепенно он стал выплывать в коридор, потом в прихожую и на кухню. Но более всего любил он подплывать к окнам, раздвигать занавеску и смотреть наружу, в зелёную воду.

Но скоро ему наскучило стоять всё время возле окон, и он спросил отца:

— Почему мне нельзя выйти наружу?

— Почему? — переспросил отец. — Потому что без одежды из дому не выходят! Это не принято. Но я достану тебе кое-что. Ты ведь уже подрос.

На другое же утро он принёс Маленькому водяному пару новых — с иголочки — штанов из рыбьей кожи, которые так и сверкали серебристой чешуёй, к ним пиджачок из зелёного тростника, ярко-красную остроконечную шапку и, конечно же, пару настоящих водяных сапог из жёлтой кожи. Маленький водяной весело влез в свою одежду — всё

было ему впору, как сшитое по заказу. Тогда отец-водяной позвал жену.

— Посмотри-ка! — сказал он, гордясь Маленьким водяным. — Как он тебе нравится в штанах? С сегодняшнего дня ему не стыдно показаться всюду!

— Ах, — сказала мать, — можно было бы со штанами ещё и подождать! Парню всего две недели! Но я знаю: вы, мужчины, всегда так нетерпеливы!

— Да, — ответил отец-водяной. — А вы, женщины, только о том и мечтаете, чтобы дети всю жизнь держались за ваши юбки! Что это ты — никак плачешь?!

— Нет! Нет! — крикнула мать Маленького водяного, быстро смахнув слёзы. — Тебе показалось... — Потом она добавила: — Когда-нибудь должны же дети вырасти; это так, и ты прав. И зелёный тростниковый пиджачок ему очень к лицу, нашему мальчику...

— То-то, — сказал водяной. — Сразу бы так... Я ведь знал, что мальчишка тебе понравится. Повернись-ка, малыш, чтобы мать могла осмотреть тебя со всех сторон! — Он схватил Маленького водяного за плечи и стал поворачивать его в разные стороны.

— Посмотри на эту шапку! — кричал он матери. — Разве она не подходит к его зелёным волосам? А сапоги! Я тачал их собственноручно, они сделаны из самой дорогой кожи, какую я только мог себе позволить!

— Да это и видно, — согласилась мать. — Сапоги особенно хороши.

— А знаешь ли ты, мама, что самое-самое прекрасное? — спросил вдруг Маленький водяной.

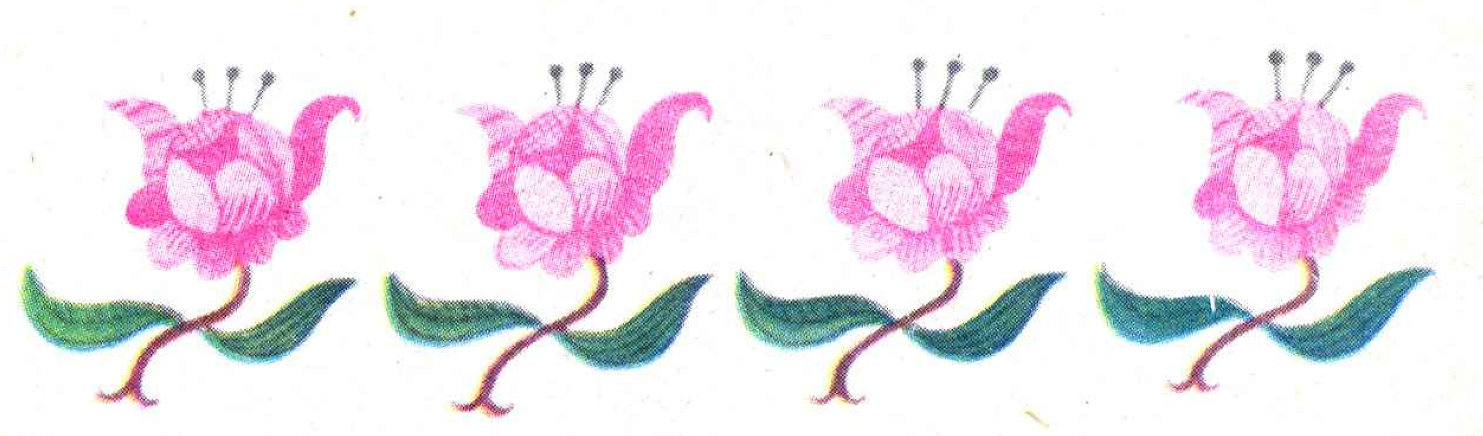
— Что самое прекрасное? — задумалась мать.

— Да! — воскликнул, сияя, Маленький водяной. — Самое прекрасное — это то, что мне не надо больше оставаться дома! Что я могу наконец выйти наружу! Я буду теперь плавать в пруду каждый день — с утра до вечера. Разве ты этому не рада?

— Так-то оно так, — пробормотала мать. — Не сердись, но я чувствую, что мне надо бежать на кухню, а то жаркое пригорит...

Она сказала так, конечно, только потому, что почувствовала новый прилив слёз... Она не хотела показывать отцу и сыну, как тяжело будет ей отпускать Маленького водяного из дому.

Продолжение следует

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Как-то на берегу моря я подобрал зелёный влажный камень, положил его на ладонь и удивился: в руке у меня лежал настоящий зелёный листок. С веточкой, с прожилками. Только каменный. И чем-то очень знакомый. Словно из него кто-то смотрел на меня знакомыми ещё с детства глазами. Часто потом смотрели на меня эти глаза из разных камней. И когда я проплывал мимо гранитных островов, мимо высоких скал...

Это, наверное, потому, что в детстве я очень любил книгу Павла Петровича Бажова «Малахитовая шкатулка». В ней были сказки о прекрасных камнерезах, которые могли из камня выточить и ягодку, и листок, и птицу. О мастере Даниле, который сделал из камня прекрасный каменный цветок, и о волшебной Хозяйке Медной горы. В книге рисунков не было. Но она была написана так, что я видел — и вижу до сих пор, — как смотрит сквозь цветной камень Хозяйка.

А когда я увидел рисунки художника Бориса Диодорова, то сразу и сказал: это же из «Малахитовой шкатулки»! И словно почувствовал знакомый взгляд.

Книга эта с рисунками художника выходит в издательстве «Современник», и ты её тоже сможешь прочитать.

Виталий КОРЖИКОВ

Рисунки Б. ДИОДОРОВА к сказкам П. БАЖОВА „Сочневы камушки“, „Медной горы Хозяйка“ и „Хрупкая веточка“.

СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ ПРО ГАЗОПРОВОД

Юрий КРУТОГОРОВ
Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

РАЗГОВОР С ГЕОЛОГОМ

Несколько лет назад я был в городе Оренбурге. И там один знакомый геолог сказал мне:

— А у нас в пещере газ...

— Какой ещё такой газ, что за пещера?

— Обыкновенный газ. А пещеру нашли под землёй. Величины необъятной — в ней могут разместиться сразу три Москвы со всеми её улицами, площадями, зданиями.

Я подумал: шутник. Я засмеялся: фантазёр.

— Сочиняешь, — сказал я геологу. — Может быть, скажешь ещё, что в пещере сокровища запрятаны, может, есть в ней волшебная лампа Аладдина?

Обиделся геолог, что ему не верят.

А позже я узнал: смеялся-то я понапрасну. Он сущую правду говорил и не думал обманывать.

Действительно, обнаружен под землёй этакий купол, что учёные подивились. Почти под самым городом! Такой ширины чудо-купол, такой величины — описать трудно! И купол заполнен, как баллон, газом. До самого верха.

Газ нужен всем. Это энергия, а энергия — это сила, свет, тепло, горючее.

Никакая лампа Аладдина не сравнится с чудесами, которые дарит всем нам голубой газ, лёгкий и сильный.

Настоящее богатство!

И оренбургского газа столько, что им можно пользоваться почти сто лет.

РЕДКАЯ НАХОДКА

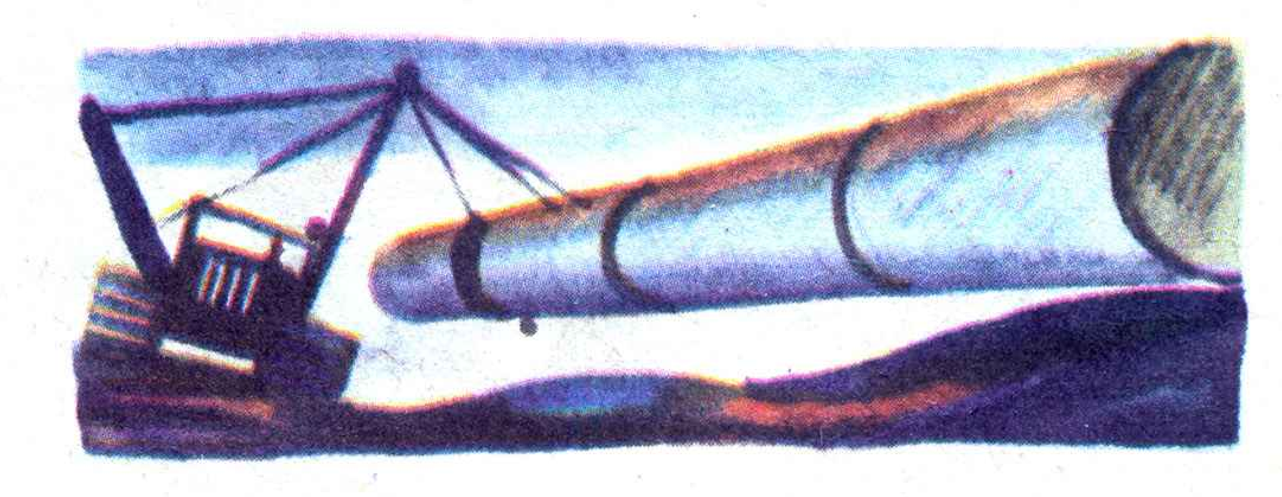
Я не раскрою никакой тайны, если скажу, что газ далеко не везде залегает. Газ такая же редкая и счастливая находка, как нефть, как драгоценные металлы.

Всё больше городов и сёл строится на нашей земле.

Всё больше заводов сооружается.

Каждому городу, селу, заводу требуются сила, тепло, свет, горючее.

И стали бурить возле города Оренбурга скважины, чтобы газ смог вырваться из подземного плена наверх.

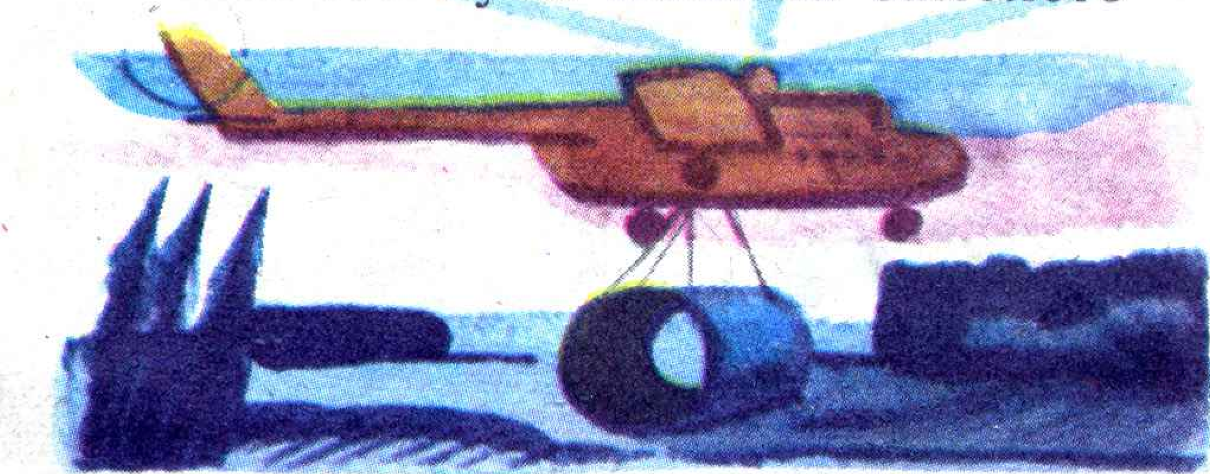

ЧЕРЕЗ РЕКИ, ГОРЫ И ДОЛИНЫ

Оренбургским газом советские люди решили поделиться и со своими друзьями. Совсем не просто доставить голубое топливо в Германскую Демократическую Республику, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Болгарию.

На поезде или автомобиле газ не повезёшь. Его можно только по трубопроводу качать. И тогда он потечёт, как голубая речка, в ту сторону, куда надо. А надо на запад, где находятся эти страны, к самой границе. Газопровод ещё не был построен, а уже получил имя: Оренбург — Западная граница.

Большой это путь. Если на самолёте лететь, три часа понадобится. Если пешком идти, то целых два года прошагаешь.

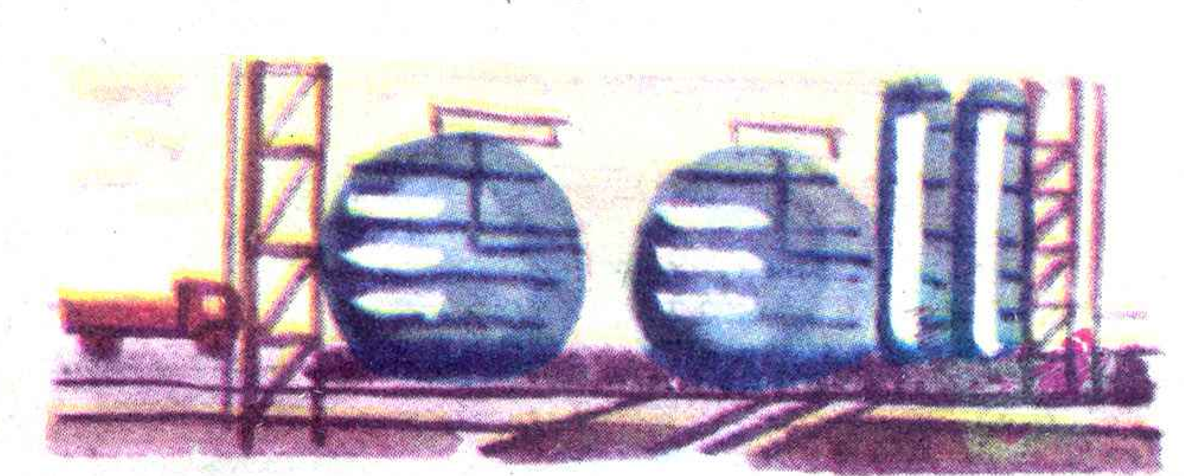

Представляешь, сколько труб надо уложить? И под реками, и под болотами, и в горах. Так что будущему трубопроводу предстояло быть водолазом, верхолазом и даже скалолазом.

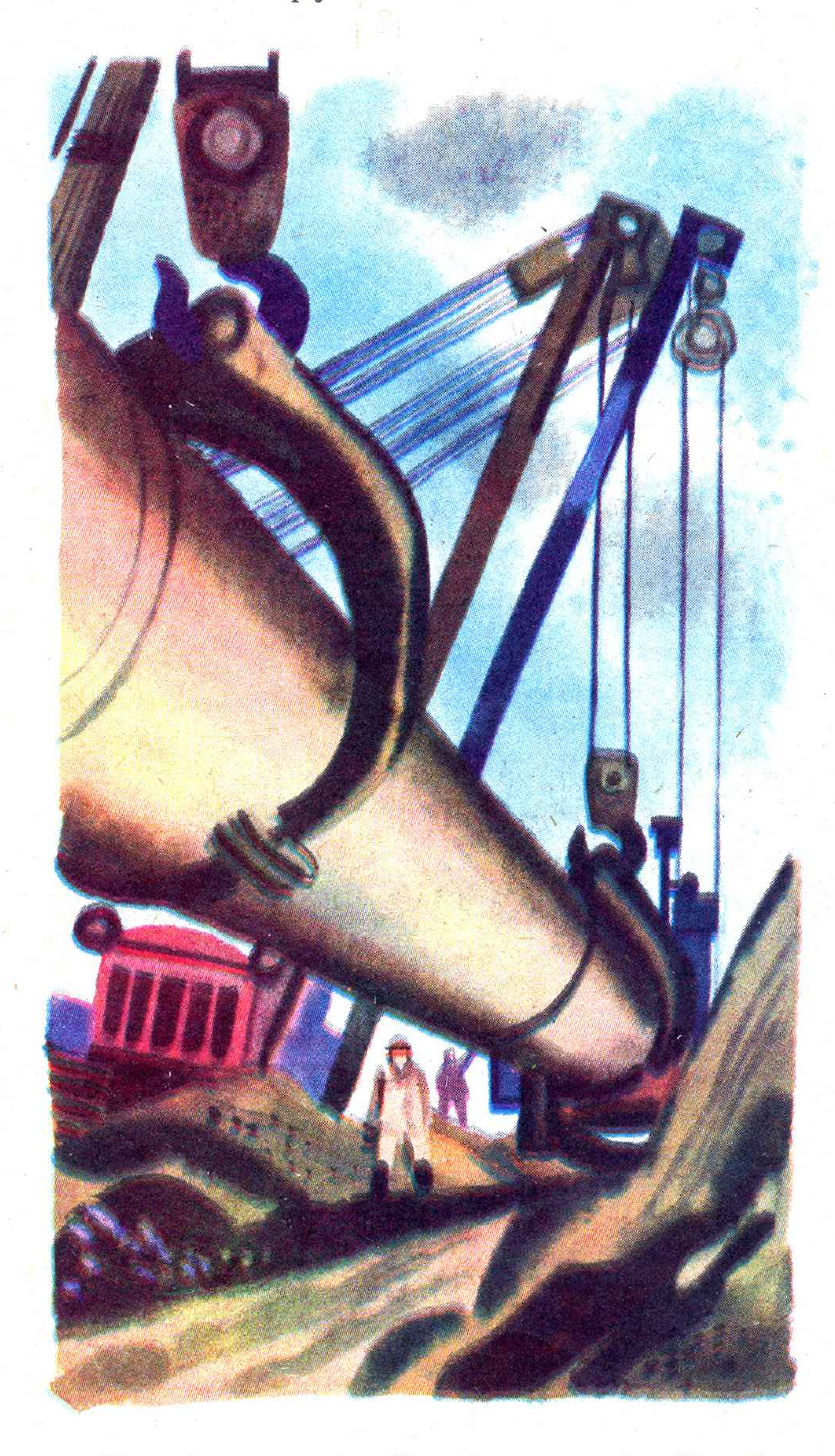
Трудно прокладывать газопровод Оренбург — Западная граница. Такого нигде на свете нет.

И тогда придумали — всем вместе сооружать газопровод.

Решили: за работу возьмутся советские, чехословацкие, польские, немецкие, венгерские и болгарские рабочие. Среди них много молодых, ровесников наших комсомольцев.

Десятая пятилетка дала строителям мощные машины, которые роют траншеи. Десятая пятилетка дала строителям замечательные аппараты, которые «сшивают» трубы.

Труба к трубе. Труба к трубе. Труба к трубе. Их приваривают одна к другой.

Строители называют трубопровод... ниткой. Но это такая «нитка», которую не проденешь в игольное ушко. Она железная, внутри неё человек может пройти.

Мне показали карту, на которой карандашом прочерчен путь будущего трубопровода. Длинная, чуть-чуть изогнутая линия. Она пересекает реки, горы и долины.

И на этой линии — флажки; флажки обозначают те участки, где трудятся болгары, чехи, немцы, поляки, венгры.

Как работают наши друзья?

Вот только три странички из моего блокнота.

СТРАНИЧКА ПЕРВАЯ: — Алло, алло! Говорит Москва, кто у телефона?

— На проводе — Оренбург. Отвечает Васил Иванов. Мы, болгары, строим дома для тех, кто будет качать газ к западной границе. Хорошо идут дела. Для детей газовиков построили школу. Первоклассница Лена Засорина подарила нам ключ от школы. Я очень рад. Передайте через «Мурзилку» большое спасибо Лене. Строить нам надо ещё много. И мы всё сделаем, что нужно!

СТРАНИЧКА ВТОРАЯ: — Волгоград, Волгоград!

— Слушаю. Говорит рабочий Томичек из Чехословакии. Дела идут отлично. В моей стране газа нет, а он очень нужен. И я рад, что трубопровод уходит всё дальше и дальше на запад. Сейчас водолазы укладывают трубы по дну Волги. Мы работаем плечом к плечу с советскими товарищами. Я приобрёл много новых друзей...

СТРАНИЧКА ТРЕТЬЯ: — Отвечает Кременчуг. Меня зовут Ганс. Для нас, рабочих-немцев, трубопровод — настоящая стройка дружбы. Мы это русское слово хорошо знаем. А русские рабочие хорошо знают это слово по-немецки — «фройндшафт».

Оренбургский газ даст моей стране столько тепла и света, сколько можно получить, если сжечь 20 миллионов тонн угля. Это гора до самого неба. Видите, какая помощь Германской Демократической Республике.

ЕЩЁ ОДНА ВСТРЕЧА С ГЕОЛОГОМ

Совсем недавно я встретился со своим знакомым геологом. Мы пожали друг другу руки. И он спросил меня:

— Ну, отвечай, кто фантазёр?

Я промолчал. Да и что я мог сказать? То, что вчера казалось фантазией, стало сегодня сказочной былью.

...К самой границе подошёл трубопровод. Недалёк день, когда по нему потечёт голубая газовая река.

ПЛАВАНИЕ НА „ОДУВАНЧИКЕ"

ОКОНЧАНИЕ

ГДЕ ДЯДЯ КУЗЯ ЧАЙ ПИЛ

Поздно вечером добрались мы до деревни Коровихи.

Здесь жил кум деда Авери — Кузя.

— Кума Кузю вы сразу увидите. Речка у него в огороде течёт, — говорил нам дед. — Как вылезете из лодки — тут вам и Кузя, кум.

Юрий КОВАЛЬ,
рисунки автора
Фото В. УСКОВА

На холмах, рассечённых заборами, лежала деревня Коровиха. Низкие серые дома, казалось, ползли вверх по склонам, а вниз к реке скатывались с холмов баньки.

Никаких коров видно не было, но в деревне, в линиях холмов было и вправду что-то коровье.

Мы вылезли из лодки, искренне надеясь, что сразу увидим кума Кузю. Но в огородах и на улицах не было ни души, а над берегом, заросшим крапивою и сныть-травою, зудели комары.

Разыскав по огородам Кузин дом, мы постучались. Нам открыла хозяйка-кума, сказала, что Кузи нет, и, не разбираясь особенно, кто мы такие, послала нас спать на чердак.

За день мы так устали, что сразу повалились на шубы и мешки, расстеленные на чердаке, и заснули.

Я спал без снов и видений. Только казалось, что с чердака я проваливаюсь в Кузин подвал, но кто-то держит меня за ногу и не пускает. А мне хотелось проваливаться и проваливаться, я старался освободить ногу и не мог.

— Это кто тут лежит на моём чердаке? — услышал я и почувствовал, что меня трясут за ногу.

— Это я, — ответил я слабосильно и тихо.

— Как тебя звать-то?

— Дядя Юра, — шепнул я.

— А кто ты такой? — настойчиво расспрашивал голос.

— Детский писатель, — безвольно и както жалобно сказал я.

Такой ответ слегка удивил спрашивающего. Он перестал трясти меня за ногу и сказал:

— А ну посвети на себя фонариком, я посмотрю.

Я вынул из-под подушки фонарик и осветил своё лицо.

— Никогда не видел такой рожи, — услышал я. Тут нога моя неожиданно освободилась, я снова полетел в бездну сна, но слышал краем уха, как теперь трясут Ускова и спрашивают:

ПЛАВАНИЕ НА „ОДУВАНЧИКЕ"

— А это кто?

— Это дядя Витя. Я — фотограф, — нежно ворковал Усков.

— Да откуда вы взялись? А ну вставайте, поглядим, кто вы такие?!

— А ты-то кто такой? — слабо защищался Усков.

— Я-то Кузя, а это — мой чердак.

— Вам телеграмма, — сказал Усков и отдал куму записку деда Аверьяна.

Получив записку, кум Кузя исчез с чердака, и только утром, за чаем, мы как следует познакомились с ним.

Сидя у самовара, кум Кузя размахивал запиской, непрерывно читал её. Он то читал её вслух куме, то, задумчиво переживая содержание, читал её про себя. Несколько раз выглядывал кум в окно и зачитывал записку соседям. Особенно нравились ему первые строчки: «Любезный кум Кузя!»

— Любезный кум Кузя! — громко повторял он, поднимал в воздух палец, и лицо его в этот момент было действительно любезным и приветливым.

— Вот, ты книжки пишешь, — говорил мне кум. — А так, как дед Аверя, небось не сможешь написать?

— Не смогу, — признался я, хотя, на мой взгляд, ничего особенного в записке деда не было.

„Любезный кум Кузя!
Податели сего являются моими первостепенными друзьями. Я с ними уху ел. В связи с этим прошу их приютить хотя бы на дворе. Кланяемся куме.
Ваш кум Аверьян".

— У деда Авери хороший слог, — говорил кум, — он ведь и в Москве бывал, чай пивал. Я тоже в Москве чай пивал. И в Вологде пивал. И в Череповце. А вы в Вологде-то пивали чай?

— А как же — пивали.

— А в Череповце?

— А в Череповце-то и не пивали.

— А я и в Череповце пивал. Да вы не поверите, я знаете, где чай-то пивал?

— Где?

— В Хабаровске, вот где. И в Самарканде. И в Киеве пивал.

Скоро мы поняли, что кум Кузя пивал чай почти во всех крупных городах Союза. В конце разговора он расстегнул рубашку, и мы увидели на груди его, под сердцем, белый и кривой шрам.

— Я и в Праге чай пивал, — сказал он. — И в Берлине.

НА ПЛОТУ

До Илистого озера надо было пройти лесом километра три, и мы оставили «Одуванчик» в деревне Коровихе.

— Там, на озере, есть два плота, — рассказывал кум Кузя. — Можете на плотах плавать, а то лодку чудовище перевернёт. На плоту надёжней.

— Неужели и вправду есть на озере чудовище? — удивлялся Виктор Усков.

— Кто его знает, — отвечал кум Кузя. — Не знаю. Но я и сам видал там что-то чёрное и горбатое с двумя головами и подводными крыльями, но не знаю — чудовище это или нет. Говорят, оно лосями питается.

В лесу оказалось полно белых грибов. Окутанные мхом, осыпанные хвоей, они стояли вдоль тропы, по которой мы шли к озеру. Трудно было удержаться — не сорвать гриба, — и мы набрали целый рюкзак белых.

На берегу сразу развели костёр, и Усков стал варить грибную похлёбку, а я разглядывал озеро.

— Ты близко к воде не подходи, — говорил Усков. — А то чудовище высунет свой хобот — и привет!

Илистое озеро оказалось совсем небольшим. С одного берега возвышался холм, на котором мы и развели костёр. На другом берегу видно было болото, заросшее мелким сосняком. По форме озеро было треугольным, и посреди него поднимался из воды маленький, длиною в пять шагов, островок. Он зарос травой, среди которой виднелись и белые цветы. Издали я подумал, что это таволга.

Пока Усков готовил похлёбку, я разыскал плоты, о которых говорил кум Кузя. Они стояли рядом, в заливе у подножия холма. Один плот был старый и гнилой, я не решился встать на него. Зато второй был срублен недавно, может быть, только года три назад. Ни весла, ни шеста я не нашёл, разыскал сухую и кривую берёзу, обрубил ветки и решил, что она заменит мне шест. Взял удочки, червей, забрался на плот. Я решил доплыть до островка и половить там.

— А вдруг на червя чудовище клюнет? — спрашивал Усков. — Что тогда?

— Готовь подсачек.

Берёзой я попробовал упереться в дно, чтоб оттолкнуть плот, но дна не достал. Тогда взмахнул берёзой, как веслом, и, загребая то с одного борта, то с другого, медленно поплыл к острову.

Неожиданно начался ветер. Он дул мне навстречу, я грёб и грёб, но к острову не приближался. Я понял, что стою на месте, бросил грести, и ветер погнал меня обратно. Скоро я снова оказался на том месте, с которого отправился в плавание.

Взяв топор, я немного обрубил берёзу, чтоб удобней было грести, и снова поплыл к острову. Ветер утих, но доплыть до острова мне не удавалось. Плот отходил от берега метров на двадцать и останавливался. Я размахивал берёзой изо всех сил и всё-таки стоял на месте.

— Может быть, тут какие-нибудь подводные ключи? — думал я. — Они создают встречное течение?

— Ну и ладно, — говорил мне Усков. — Там, на острове, чудовище тебя живо схапает. Лови с плота.

Я закинул удочку и несколько часов глядел на поплавок. Спокойно, не шевелясь, стоял он в воде. Рыба не клевала.

— Ясное дело, — говорил Усков. — Чудовище сожрало всю рыбу. У него же две головы. Каждую надо прокормить. Вот и нас тут как раз двое — на каждую пасть по бутерброду.

Я перебросил удочку и случайно зацепился крючком за соседний плот. Я дёргал леску, стараясь отцепить крючок, но ничего не получалось. Примерившись, я прыгнул прямо на

середину второго плота. Ни минуты не раздумывая, плот затонул, я с головой ушёл под воду. На редкость холодной, колючей и злой показалась мне вода Илистого озера. Прежде чем вынырнуть, я на миг приоткрыл глаза и под светлой поверхностью озера увидел тёмный провал, ведущий на дно. Из провала поднималось илистое и ржавое облако, в котором поблескивали зелёные угольки.

ТОПОР И САЛО

— Я уж думал всё — тебе конец, — говорил Усков, помогая мне снять мокрую одежду. — Чудовище сожрало детского писателя.

— Пообедаем, пока чудовище дремлет, — сказал я.

Похлёбка, которую сварил фотограф, оказалась удивительной. Кроме грибов, он положил в неё черемши, которую нашёл на холме, кинул для запаху и лист смородины, и берёзовый листок, и пяток цветов клевера для сладости.

— Как ты думаешь? — спрашивал он. — Вправду здесь есть чудовище или нет?

— А что ж такого? — отвечал я. — Есть же где-то в Англии озеро Лох-Несс, и в нём, говорят, живёт чудовище. Во всяком случае, фотоаппарат держи наготове. Вдруг вылезет, а у тебя плёнка не заряжена — вот будет обидно.

— Перед рассветом мне его не снять, — сказал Усков. — Освещение слабое.

— У тебя же есть вспышка. Будь готов снимать и в полутьме.

Усков задумался, взял фотоаппарат и треногу, ушёл куда-то, и, пока я сушился, он то уходил от костра, то возвращался. Попросил у меня самый большой крючок и самую крепкую леску, взял для чего-то топор, большой кусок сала и унёс всё это.

Подсушив одежду, я пошёл к берегу посмотреть, что он там делает. Кусок сала Усков насадил на крючок и положил на камень, лежащий на берегу у самой воды. Толстая леска тянулась от крючка к фотоаппарату, который стоял неподалёку на трёх алюминиевых ногах. На берёзке висел и чёрный ящик с батарейками, из которого выглядывало зеркало вспышки.

— Расчёт простой, — пояснил Усков. — Чудовище вынырнет и схватит сало. Дёрнет за леску — и тут аппаратура сработает.

— А если чудовище утащит под воду аппарат?

— А топор на что? — возразил Усков.

В землю неподалёку от камня он врыл топор остриём вверх. Леска лежала прямо на лезвии, и при сильном натяжении, по расчётам Ускова, топор должен был разрезать леску.

Всё это сооружение напомнило мне мою тётушку, которая, ложась спать, привязывала к ноге верёвку. Другой конец — к входной двери, чтоб жулик сразу разбудил её.

Иногда она ставила перед дверью и табуретку, перевёрнутую вверх ногами, а на неё — таз с водой, чтоб жулик споткнулся и разбил свою буйную голову.

Стемнело. С того берега, из болот потянулся холодный туман.

Мы пили чай у костра и смотрели, как неподвижно лежит среди лесов Илистое озеро.

ЧУДОВИЩЕ ИЛИСТОГО ОЗЕРА

К полуночи туман заволок озеро. Костёр погас, и мы не решались подбросить в него дров, чтоб особо не привлекать внимания. Разгребли уголья и легли на землю, нагретую костром.

— Удивительно, что нет комаров, — говорил Усков. — Наверно, чудовище и их сожрало.

Небо заволокло низкими облаками. Облака были тяжёлыми, как камни-валуны, и ни луны, ни звёздочки не было видно меж ними.

Жар земли, нагретой костром, охватил нас, и мне казалось, что мы лежим внутри какого-то чёрного горячего шара, заброшенного с Земли на другую планету.

— А мне кажется, как будто мы в брюхе чудовища, — шептал Усков.

С озера не слышалось ни плеска, ни шелеста. Тихо было в лесах и болотах, только очень-очень далеко, наверно у деревни Коровихи, скрипел однообразно дергач.

В два часа ночи с озера послышалось бульканье, будто ручей вдруг потёк с холма. К бульканью добавилось шипение и какие-то вздохи.

— Пар спускает, — сказал Усков.

— Чего? — не понял я.

— Это чудовище пар спускает, — пояснил Усков. — Высунуло из воды хобот и ноздрями шевелит.

Бульканье затихло, и снова не было слышно с озера ни звука, и всё-таки мне казалось, что я слышу что-то, а что — и сам не могу понять.

— Ты слышишь что-нибудь?

— Слышу. А что — не пойму.

Я чувствовал, что озеро оживает в темноте — шевелится и дрожит, пробуждаясь. Казалось, что и холм поворачивается под нами, наклоняется к озеру.

— Скорей бы рассвело, — сказал Усков.

За дальним берегом, за болотами появилась наконец серенькая полоска, отделившая небо от земли. Она отразилась в озере, прошла точно посредине, и стал виден маленький и тёмный островок. Нам не на что было больше смотреть, и мы глядели на эту серую полоску, на островок, заросший травой, среди которой днём я различил таволгу.

— Смотри! — шепнул Усков и схватил меня за руку. — Смотри — островок шевелится!

— Будет болтать-то, — сказал я.

— Точно, шевелится. Плывёт по воде.

Я всматривался в тёмное пятно на воде, но не видел, чтоб островок шевелился или двигался.

— Да шевелится, я тебе говорю! — настаивал Усков.

На озере вдруг зашелестели камыши, раздался какой-то плеск, а потом удар по воде, и тут же вспыхнуло что-то на берегу — это сработала камера Ускова.

Только когда взошло солнце, мы решились подойти к берегу. Тренога с фотоаппаратом валялась на земле. Ни сала, ни крючка не было — топор и вправду перерезал леску.

— Всё в порядке, — говорил Усков. — Чудовище у меня в кармане.

Он глянул на озеро и побледнел.

— Смотри, — сказал он.

Я оглянулся и увидел, что острова, заросшего болотными травами и таволгой, не видно нигде.

* * *

К обеду вернулись мы в деревню Коровиху, где нас уже ожидал Мурзилка.

— Что же это такое? — недовольно сказал он. — Я жду вас у сосен, а вас всё нет и нет.

— Да мы с чудовищем провозились, — извинялся я. — А ты что делал?

— Я проводил в деревне сбор октябрят.

— Ну молодец, — сказал я.

Усков весь вечер просидел в погребе у дяди Кузи. Он проявлял плёнку, на которой было снято чудовище. Когда же проявил и показал нам фотографию — мы увидели зубастую щучью голову, лежащую на камне.

— Вот оно — чудовище, — говорил Усков дяде Кузе.

— Это не чудовище, — возражал кум Кузя. — Это как раз то самое, чем чудовище питается.

Конец.

На этом мы заканчиваем печатать главы из повести Юрия Коваля «Плавание на «Одуванчике». Те ребята, которые захотят узнать, какие ещё приключения испытала самая лёгкая лодка в мире, могут прочесть книжку, которая скоро выйдет в издательстве «Детская литература». Книжка так и будет называться — «Плавание на «Одуванчике».

ПОДУМАЙ ОТГАДАЙ?

А. ЛЕЛЬЕВР
Рис. Л. НИЖНЕГО

От дуба до дуба

Евдокия ЛОСЬ

От дуба до дуба,
От сруба до сруба,
От палки до палки
Беги по считалке,
Считая, считайся,
Но не попадайся.
От дуба до дуба
Как жёлудь катайся.
Запрячься в крапиве,
В беде-лебеде —
Найду я везде!

Перевела с белорусского
З. АЛЕКСАНДРОВА

Рис. Э. АВАКЯН, Л. ХАЧАТРЯН, В. ХЛЕБНИКОВОЙ

ЗАГАДКИ

А. МАСЛЕННИКОВА

Стоит на крыше верхолаз
И ловит новости для нас.
(Антенна)

Что за чудо?
Вот так чудо:
Сверху блюдо,
Снизу блюдо,
Ходит чудо
По дороге,
Голова торчит
Да ноги.

КУЧА МАЛА

КЛЮКВА

Данута БИЧЕЛЬ-ЗАГНЕТОВА

Осень уронила бусинки на мох.
В туесок собрал их
маленький Тимох.
Но когда попробовал, сморщился:
«Ох, ох!»
Даже горстки ягод
мальчик съесть не смог.

Перевёл с белорусского В. ЛУНИН

НАШ БУДИЛЬНИК

Владимир ЛИФШИЦ

Знают взрослые и дети,
Что в один и тот же час
Наш будильник
На рассвете
Всех как есть разбудит нас.
Он хоть и без циферблата,
Хоть без стрелок,
Без пружин, —
Заведя его когда-то,
Мы им очень дорожим.
Наш будильник —
Самый древний —
Почитаем всей деревней.
Он горланит
Во весь дух —
Знаменитый наш петух!

Найдёшь дорожки от гусениц к бабочкам, узнаешь, какая гусеница в какую бабочку превратилась.

СКОРОГОВОРКИ

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

У Маши на кармашке
Маки и ромашки.

Привёз Пров Егору
Во двор дров гору.

На крыше у Шуры
Жил журавль Жура.

Найди ключ, похожий на красный.

ЗАГАДКА

А. ТАРАСКИН

С буквой А — в магазине,
С буквой Е — в плотине.
(Батон, бетон)

ПОДУМАЙ ОТГАДАЙ ?

Ответы на задачи в № 7 (стр. 29)

1. В клетке № 3 оказался Фантомас. Но он в эту клетку попал на место Джека. А Джек пришёл сюда на место Мухтара. Значит, в клетке № 3 вначале сидел Мухтар.
2. Молоко во втором кувшине слева в нижнем ряду.

Найди пару одинаковых сапог.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова (зам. главного редактора),
Ю. Казанов,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
Е. Орлова (ответственный секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

Художественный редактор
Г. Макавеева

Технический редактор
Л. Петрова

Сдано в набор 11/VI 1977 г.
Подписано к печати 4/VII 1977 г.
Формат 84×108 1/16.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 957.

Адрес редакции журнала «Мурзилка» ордена Трудового Красного Знамени издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке
В. ДУВИДОВА

Цена 10 коп.
Индекс 70553
7
Дети играют в прятки. А тебе придётся «водить». Сколько мальчиков и девочек ты найдёшь?
Рис. Г. СОКОЛОВА